

дою, условія его дѣятельности“. Это мѣсто совершенно согласно съ другими словами Грановскаго, приведенными его біографомъ: „Природа есть только подножіе исторіи, въ сферѣ которой совершается главный подвигъ челоѣка, гдѣ онъ самъ является зодчимъ и матеріаломъ“.

Но для современнаго рецензента было важно вдвинуть вопросъ въ его настоящія границы, подробнѣе разъяснивъ его, и мы этому обстоятельству обязаны тѣмъ, что Кудрявцевъ подробно изложилъ свой взглядъ на отношенія исторіи къ естествознанію.

Онъ направляетъ свою критику преимущественно на то мѣсто рѣчи, гдѣ авторъ ея, упрекнувъ историковъ за ихъ равнодушіе къ естественнымъ наукамъ, восклицаетъ: „дальнѣйшее упорство, впрочемъ, невозможно, и исторія, по необходимости, должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ на обширное поприще естественныхъ наукъ“. „Вполнѣ сочувствуемъ г. Грановскому,—замѣчаетъ рецензентъ,—въ его желаніи поставить на видъ просвѣщеннымъ русскимъ читателямъ всю важность такой проблемы, какъ сближеніе исторіи съ естествознаніемъ, и познакомить ихъ съ успѣхами этого направленія. Дѣйствительно, это одинъ изъ самыхъ живыхъ современныхъ вопросовъ въ наукѣ; онъ проходитъ, какъ самый чувствительный нервъ, черезъ всю исторію; онъ напрашивается, когда дѣло идетъ о естественныхъ границахъ той или другой страны историческаго міра, или о предѣлахъ распространенія какого угодно историческаго племени; къ нему же приходится возвращаться каждый разъ, какъ только зайдетъ рѣчь о нравахъ и обычаяхъ того или другого народа, его постоянныхъ свойствахъ, первоначальныхъ вѣрованіяхъ, о началѣ самихъ учреждений. Чѣмъ дальше подвигается исторія къ своимъ началамъ, чѣмъ больше расчищается передъ нею мракъ отдаленныхъ временъ, тѣмъ больше чувствуется подъ ногами ея *естественная основа*—природа и ея условія, потому что исторія выросла на той же самой почвѣ, на какой и всѣ прочія явленія, составляющія собственно предметъ естествознанія. Наука, въ самомъ дѣлѣ, зрѣетъ по мѣрѣ того, какъ подходитъ къ своей естественной основѣ и начинаетъ различать черезъ смѣну многихъ поколѣній ея постоянно дѣйствующее вліяніе“.

Вполнѣ признавая, такимъ образомъ, значеніе для исторіи естественно-научныхъ данныхъ, Кудрявцевъ рѣшительно отвергалъ мысль о превращеніи самой исторіи въ отрасль естествознанія. Въ виду этого онъ беретъ подъ свою защиту историковъ противъ обвиненія, что, вслѣдствіе ихъ *упорства*, такъ мало еще сдѣлано